
А. А. Андрюшков

ФОРМИРОВАНИЕ РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КАК ЗАДАЧА ОБРАЗОВАНИЯ: МИРОВОЗЗРЕНИЕ, СОЗДАЮЩЕЕ БУДУЩЕЕ

Статья поступила
в редакцию
в октябре 2010 г.

Философские основы формирования мировоззрения и практика патриотического воспитания в учреждениях среднего образования анализируются с целью получить ответ на вопрос: нужно ли разрабатывать в отечественной системе образования специальные методы выращивания российской идентичности и если да, то на каких принципах они должны строиться.

Аннотация

Ключевые слова: средняя школа, патриотическое воспитание, мировоззрение, российская идентичность, идеология, полиэтнические культуры.

Проблема мировоззренческого становления человека является одной из наиболее актуальных философских проблем, значимость которой выходит далеко за границы собственно философских штудий.

То, что происходит сегодня с человеком и что это значит для тех, кто занимается гуманитарными практиками, является одним из наиболее важных предметов мышления о современности. Человеческая форма и социокультурная идентичность становятся ключевыми объектами экспериментирования, порождая множество технологий замещения традиционных форм мировоззренческого становления человека¹. Любая попытка объявить какое-либо мировоззренческое основание бесспорным сегодня приводит или к инкапсуляции носителей такого основания в закрытое сетевое общество, или (в случае, если носители желают зачем-то убедить

¹ Превосходное исследование одного из наиболее популярных направлений таких экспериментов — киберкультуры осуществил М. Дери. Превосходное в том смысле, что заставляет расширить представление о границах уничтожения человеческого руками самого человека [Дери, 2007].

других) к бессодержательным постыдным прениям в СМИ². Нет такой инстанции власти, которая смогла бы канонизировать ту или иную доктрину. Появление такой публичной инстанции (например, национального суверенитета Ирана) на планете тут же приводит к обвинению ее в отказе от демократии, от тех ценностей, к которым тысячелетия (!) шло человечество. В то же время эти идеалы демократии стали настолько размытыми и неясными, что в политической среде так называемой западной цивилизации царит своеобразное двоемыслие в определении того, за что, собственно, «все цивилизованные государства» борются³. Изменяются функции ключевых для самосознания человека практик, например искусства: музыка, которой учит детей общество, не является искусством⁴, архитектура поработана функционализмом и киберфутуризмом⁵, а то, что из себя представляет изобразительное искусство... и т. д. Список антропопрактик, конституировавших мировоззрение человека на протяжении двух тысячелетий и подвергшихся мощнейшей деструкции в «текущей современности», составляет печальный лист разрушения основ прошлого, однако для современного мировоззренческого становления человека это только повод для поворота оси⁶. Беда нашего времени в том, что воли на такой поворот не хватает пока ни у какой культуры.

Тщательно исследованные социологами-неомарксистами процессы разрушения конститутивных антропопрактик и фигур идентичности, к сожалению, не дают нам возможности определить новые гуманитарные практики самоопределения человека. Более того, практики текучих идентичностей, от нью-эйджевских произвольных компиляций традиций до кибер-постгуманизма, принципиально строятся на неопределенности любого порядка. Если модернистские проекты разрушения традиционных идентичностей (например, феминистский проект) взывали к определенности справедливого и свободного общества с точечной нацеленностью на прагматический эффект (первая заря нью-эйджа), то современные нам эксперименты с человеческой формой — это перманентный экстрим, т. е. стили жизни на пике острых ощущений. Такие стили жизни, поддерживаемые коммерцией развлечения, не требуют определенности, поскольку срок их популярности — максимум пять-десять лет. Они появляются и исчезают, так и не определив своего места в культуре. Горизонты самосознания современного человека и в мировоззренческом, и в социальном плане

² Иначе назвать споры по поводу введения «Основ православной культуры» в среднее образование попросту нельзя.

³ В качестве наиболее яркого примера можно указать на раскол американского интеллектуального сообщества на тех, кто продолжает считать США образцом демократии (Фукуяма, Хантингтон), и тех, кто указывает на протофашистскую структуру современного американского общества (МакЛарен, Ляруш).

⁴ Жестокая книга Н. Лебрехта демонстрирует, как происходит превращение классической музыки в формат индустрии развлечения [Лебрехт, 2004].

⁵ См. платоновские диалоги Гарриса и Теодоры в [Скобельцин, 2001].

⁶ Имеется в виду понятие осевого времени, введенное К. Ясперсом.

сужаются до мгновения переживаемого экстремального ощущения. Но для практикования жизни как дискретного набора разнообразных острых ощущений мировоззрения не нужно.

Отсутствие определенности в том, что происходит сейчас в мире, и какова наша связь с прошлым, и стоит ли ставить цели более чем на пять лет вперед, — это не хорошо и не плохо. В конце концов, с точки зрения «развитой демократии» без мировоззрения намного удобнее иметь «свободу отличаться», «свободу создавать и отменять идентичности по своей воле» [Бауман, 2008. С. 92]. Другое дело — отвечать на вопрос о мировоззрении с позиции образования, вернее Образования, пайдейи, из той сферы, где решается вопрос качества жизни последующих поколений в их связи с поколениями предшествующими.

Вопрос, которому посвящено исследование, можно сформулировать следующим образом: нужно ли формировать в системе российского образования специальную практику выращивания российской идентичности и если да, то на каких принципах эта практика должна строиться?

С 2006 г. в российском образовании (прежде всего в Москве) наметилась тенденция связывать воспитательную деятельность школы с формированием у учащихся российской идентичности, т. е. осознания себя как носителя российской культуры и гражданина России. Она стала ответом на те проблемы, с которыми столкнулось образование в связи с внедрением программ патриотического воспитания в школе, вызванных к жизни катастрофическими процессами разрушения идентификационных структур сознания, проходившими в 1990-е годы. В этих программах воспроизводились традиционные для советского периода формы культивирования чувства гордости за страну, ее исторические свершения и современную мощь — праздники, музейное дело, встречи с ветеранами и т. д., — неадекватные сложившимся в уже очень индивидуализированном российском обществе формам жизни и мировоззрения, не принимавшиеся ни родителями, ни детьми. В этот же период в борьбу за нравственное воспитание молодого поколения очень интенсивно включились официальные религии, и прежде всего Русская православная церковь. Высвечивая проблему нравственной деградации и потери традиционных ориентиров жизни российского общества, религиозные деятели предлагали отдать им функцию воспитания в школе. Это предложение вызвало жесткую критику со стороны светских ученых и образовательной общественности.

С 2006 по 2008 г. на разных экспериментальных площадках Москвы, в научных институтах и РАО, в средствах массовой информации шло активное обсуждение проблем воспитания: какой должна быть концепция воспитания в новой российской школе, какие принципы должны быть положены в основу воспитания, чтобы, с одной стороны, преодолеть межпоколенческий разрыв и кризис

Анализ подходов к формированию российской идентичности в отечественной педагогике

идентичности, а с другой — избежать доктринерства советской школы. У специалистов НИИ инновационных стратегий развития общего образования, занимающихся вопросами воспитания, в 2007 г. в рамках программы «Строим школу будущего» возникла идея формирования российской идентичности. Для решения этой задачи, по нашему мнению, российской школе необходимо осуществить целый комплекс разработок: во-первых, сформировать теоретические представления о процессах самоидентификации подростка со своей страной и культурой народа, во-вторых, создать систему мониторинга процессов формирования российской идентичности и, в-третьих, предложить технологии педагогического воздействия на эти процессы.

С 2008 г. при подготовке коллективом разработчиков во главе с Н. Никандровым, А. Кондаковым и Л. Кезиной стандартов второго поколения идея формирования российской идентичности была положена в основу воспитательной концепции. Было предложено различать три составляющих российской идентичности — этническую, гражданскую и общечеловеческую, а результаты образовательного процесса сгруппировать по следующим компонентам: знаниевому, ценностному и деятельностному. Собственно российское самосознание связано в этом подходе с формированием гражданской идентичности, которая устанавливает связь учащегося с Россией (в то время как другие составляющие устанавливают связь с «малой родиной» и всем человечеством соответственно). Сформированность этой идентичности должна проверяться наличием у ребенка знаний о золотом фонде русской культуры и истории, о современной социополитической ситуации в стране, а также чувства гордости за Россию.

Критикуя данный подход, И. В. Понкин охарактеризовал его как «формирование новой идеологизированной идентичности», подчеркивая неясность содержания, которое стоит за понятием «российская идентичность». В частности, Понкин пишет: «В условиях признаваемого Конституцией Российской Федерации идеологического многообразия (ч. 1 ст. 13) и гарантированных свободы совести, свободы мысли и слова (ст. 28, ч. 1 ст. 29) не может быть никакого общеразделяемого представления, тем более позиционируемого как общеобязательное и формируемого у всех детей в школе. Единый российский народ де-факто существует, и это отражается в различных формах как в общественном, так и в индивидуальном сознании. Но никто не обязан разделять некие идеологизированные представления и установки авторов Концепции на этот счет. Свобода мысли и мировоззренческого выбора запрещает вторжения идеологии в школу» [Понкин, 2009]. Предложения Понкина во многом повторяют предложения, звучащие со стороны РПЦ, — предоставить религиозным институтам заниматься воспитанием нравственности в соответствии с региональной спецификой и на добровольной основе. При этом принципиальным в приведенной выше цитате является несогласие с тем, что гражданская

идентичность учащихся должна основываться на какой-то общегосударственной идеологии.

Вопрос формирования мировоззрения нового поколения традиционно ставится как вопрос воспитания. Однако социокультурный институт Образования (и особенно в своей воспитательной функции) — это не ведомственное дело правительства страны, но прежде всего дело межпоколенческих связей. Напомним, что писал В. Йегер в своем труде, посвященном истории образования в Античности: «Воспитание — это дело не отдельного человека, но, сообразно своей сущности, задача общества... Нигде определяющее влияние общества на его членов не осуществляется полнее, чем в стремлении сознательно формировать путем воспитания дух новых, постоянно совершенствующихся индивидуумов. Каждое общество основывается на фундаменте значимых для него писанных или неписанных законов и норм, которые объединяют его и его членов. Поэтому воспитание — непосредственное проявление живого осознания нормы в человеческом обществе, касается ли это семьи, профессии, сословия или же более широких объединений, таких как племя или государство» [Йегер, 2001. С. 12].

В этой цитате есть указание на три наиболее важные черты, определяющие суть воспитательной функции общества. Во-первых, воспитание основывается на общественной мировоззренческой парадигме. Во-вторых, именно в воспитательной деятельности эта парадигма становится предметом осознанного культивирования. В-третьих, воспитание представляет эту парадигму и само общественное установление как ориентиры и условия (бесконечного) совершенствования индивидуумов. Пайдейя — это рефлексивное пространство общества, испытующее его возможности предоставлять людям условия самосовершенствования. Представлять дело так, будто образование выполняет заказ общества, готовя таких людей, которые ему нужны, к счастью, абсолютно неправильно. В цитированном высказывании говорится как раз о другом: то, какие люди должны быть в обществе, решается в процессе воспитания, в ходе принятия воспитателем на себя ответственности за судьбу общества в будущем. Если у общества нет желания жить, то образование не нужно, достаточно иметь конвейер цепочек доведения уровня компетенций человека до соответствия требованиям рабочего места. Образование в его воспитательном значении с неизбежностью избыточное благо, благо гениальности и шага развития.

Обращаясь теперь снова к наблюдаемым сегодня в глобализированных обществах тенденциям схлопывания исторического и культурного горизонта самоопределения до мига ощущения, в которых и циркулируют практики псевдоидентификации, нам придется определенной зафиксировать функцию Образования. Ни для того, чтобы подстраиваться под требования рабочего

Проблема современного мировоззрения с позиций Образования

места⁷, ни для того, чтобы экспериментировать с идентичностями, Образование не нужно, нужны тренинги и правильно управляемый доступ к информации. А вот для того, чтобы создавать будущее, оно крайне необходимо. Видеть в образовании адаптационную среду для неофитов современности — это ошибка, которая может привести к тому, что общество потеряет контроль над ресурсом развития, удовлетворяя нужды патогенной среды саморазрушения.

На основании чего тогда Образование может сформулировать воспитательные цели, откуда берутся основы мировоззренческой парадигмы для совершенствования молодого поколения? Они берутся не из наличного состояния общества, а из искомого, из левого образа будущего.

Методологически здесь осуществляется (и всегда в истории образования осуществлялся) ход, напоминающий знаменитый трюк барона Мюнхгаузена: из болота лучше всего вылезать, вытаскивая себя одной рукой за волосы. Там, где не должно быть опоры — в будущем, — собственно, и лежит отправная точка развития. То есть по отношению к будущему общества формулируются цели развития, которые задают требования к мировоззрению молодого поколения. Но формулировка этих целей осуществляется не в отрыве от сферы Образования, но в корреляции с ней. Пайдейя — это одновременно и сфера воспроизводства общества (а следовательно, восстановления генезиса культурных форм), и сфера его развития, обыгрывание проектных возможностей развития. Именно в сфере Образования осуществляется преобладание функций ретроспективной и проспективной рефлексий⁸, понимания и воображения (как фундаментальных функций культурной памяти) над функциями исполнения социальных требований (социализационными функциями). Это сфера, наиболее приспособленная для проблематизации существующих форм жизни и проектирования новых. Вспомним, что диалоги Платона, в которых происходило переосмысление античности и проектирование новых форм жизни, — это в первую очередь образовательные коммуникации, попытка заново понять и усвоить вроде бы очевидные для всех греков вещи, одновременно преобразовывая их⁹.

Если Россия сегодня собирается строить на собственных основаниях общество развития, ей не обойтись без соответствующего

⁷ Славное достижение современной экономики — мобильность рабочей силы — снижает требования к профессиональным качествам работников, разрушая ценность профессионального развития в угоду способности быстро включиться в решение узкой задачи. Жизнь современного молодого работника протекает от задачи к задаче, это действительно очень интересно, но вместо роста в профессии он получает череду работ.

⁸ «В случае [ретроспективной рефлексии] наше сознание повернуто назад, и мы, прежде всего, занимаемся анализом и выяснением сложившейся картины... и выявляем основные характеристики, сложности и разрывы, сложившиеся в этой картине. А проспективная рефлексия это возможность на основе картины, происходившей в прошлом, сделать прыжок в будущее» [Громыко, 2004].

⁹ «На место религии в качестве питательной почвы человеческой культуры Платон ставит Пайдейю...» [Йегер, 1997].

самоопределения молодого поколения по отношению к этому процессу. Но как раз здесь и проходит основной излом современности: молодежь не заинтересована в самоопределении по отношению к глобальным процессам развития, напротив, она погружена в процесс высвобождения от нравственно-мировоззренческих оснований своего личного бытия ради свободы практикования идентифицирующих стилей жизни. Более того, сегодня меняется само представление о молодости. Если подросток Достоевского — это человек, требующий от мира следования нормам, если советская молодежь — это трудовой или военный героизм первых, по сути, пионеров, то сегодня молодой — это человек, свободный в выборе стиля жизни, «не дающий себе засохнуть». Причем речь идет не обязательно о возрасте от 14 до 30. Оппозицией такому пониманию молодости является представление о молодости как энергии проектирования шага в будущее.

Рождение в современной России институтов Пайдейи, отвечающих за воспитание и мировоззренческое становление молодого поколения, — это ключевой вопрос развития и даже просто сохранения страны как самобытной цивилизации. К этим институтам кроме собственно школы и вузов, очевидно, должны быть отнесены и институт мировоззренческого телевидения, и институт рефлексивных СМИ, т. е. массмедийные формы становления личного мировоззрения.

Именно сейчас, в период «текучих структур» сознания и удобных для пользования симулякров идентичностей, мы можем по-настоящему поставить вопрос о мировоззрении как необходимой функции личностного сознания, т. е. сознания, работающего над целостностью и вечностью своего существования. Как бы странно это ни звучало, мировоззрение вовсе не есть система взглядов на мир и принципы взаимоотношений с миром и другими людьми. Прежде всего мировоззрение ни в коем случае не система, если использовать это слово как синоним связанных между собой и взаимообусловленных суждений. Мировоззрение нельзя упорядочить в виде последовательных ответов на все возможные вопросы. И тем более его нельзя передать другому. Мировоззрение — это не структура ответов, но процесс формирования собственной позиции на основании безусловно разделяемых ценностей. Дело в том, что ценности как дескрипции не существуют в области практической нравственности, но только в декларации. А ценности как жизнетворные смыслы, напротив, определяют поступки, но не могут быть декларируемы. Они рефлексивно выявляются в ходе процесса самоопределения по отношению к проблемным мировоззренческим ситуациям, т. е. к ситуациям, в которых отсутствует образец для подражания.

В этом и заключается разница между идеологическим и мировоззренческим воспитанием: первое транслирует ответы на все возможные вопросы, «систематизируя» картину мира, второе же

Мировоззрение как процесс принятия на себя ответственности за судьбу народа. Понятие социокультурной идентичности

предлагает общественно значимые проблемы, решение которых — открытая и жизненно важная задача общества.

На этой основе и нужно строить подход к воспитанию мировоззрения. Каковы же те проблемы, которые необходимо сегодня решать в России и на принятии которых и должно быть сформировано мировоззрение молодого поколения? Как оно позволяет сохранить цивилизационную идентичность России и как оно может быть конкурентоспособным во взаимодействии с другими цивилизационными моделями? Вот те вопросы, которые мы пытаемся в нашей работе вывести в практическое поле российского образования.

Практика формирования российской идентичности

Гениальный отечественный поэт и фронтовик Александр Трифонович Твардовский высказал простую для любого здорового общества мысль, вложив ее в уста Василия Теркина:

Потерять кисет с махоркой,
Если некому пошить, —
Я не спору, — тоже горько,
Тяжело, но можно жить,
Пережить беду-проруху,
В кулаке держать табак,
Но Россию, мать-старуху,
Нам терять нельзя никак.
Наши деды, наши дети,
Наши внуки не велят.
Сколько лет живем на свете?
Тыщу?.. Больше! То-то, брат!
Сколько жить еще на свете, —
Год, иль два, иль тыщи лет, —
Мы с тобой за все в ответе.
То-то, брат! А ты — кисет...

Осознание своего возраста как истории целого народа (тысяча лет назад, тысяча лет вперед) — это и есть та структура идентичности сознания, которая обеспечивает то, что люди живут в российской традиции и осознают себя ее носителями. В каком-то смысле это — ключевой показатель наличия мировоззрения: можешь ли ты своим сознанием дотянуться до своих предков и до своего потомка. И на наш взгляд, это есть ценность, которую российское образование в настоящее время должно культивировать. Для русской философской традиции именно осознание себя через принятие своего рода являлось условием творческого отношения к действительности. Познавая свой род — физический, духовно-личностный, профессиональный и т. д., — человек вступает в историю, и время, в котором он отныне живет, является временем телеологическим, причины в котором являются целями¹⁰.

¹⁰ «Мы должны чувствовать, что не сами сочиняем свои теории (сочинительство, игра в жизнь), а имеем то, что выросло, что почвенно», — пишет П. А. Флоренский в лекциях по историческому познанию [Флоренский, 1994/2000. С. 29].

В результате развития философского знания о человеке в XX в. стали четко различаться социальное бытие человека и собственно каналы трансляции культуры. Культура как процесс трансляции образцов и норм деятельности и жизнедеятельности — это идея Московского методологического кружка, которая возникла в конце 60-х годов прошлого века. Очень важно понимать, что в каналах той или иной национальной культуры транслируются не только способы мыследеятельности или творчества, но и образцы жизнедеятельности, личностные образцы людей, которые на себе и в своей жизни данную деятельность вынесли и прожили, воплотив предельный для своего времени уровень проживания. Социальные отношения — с родителями, учителями, ровесниками — задают некоторую определенность того, каким надо быть ребенком, чтобы находиться в социальной коммуникации. Важно отметить, что если культура живет сразу в трех временах: в прошлом, настоящем и будущем, то социальные коммуникации — это всегда текущее сегодня. Как только мы задумываемся о том, как будет развиваться общество в будущем или какова предыстория текущей ситуации, мы выходим в пространство культуры, выделяя культурные парадигмы нашей жизни. Перенос культурного содержания прошлого и будущего в социальные отношения (процесс синтагматизации) и, наоборот, превращение тех или иных опытов решения проблем в культурный образец (процесс парадигматизации) — это особая деятельность, осуществляемая личностью или коллективом и связанная с самоопределением. Слой, в котором можно рассматривать комплекс таких персонологических актов самоопределения, должен быть отдельно выделен на стыке культурного и социального.

Социокультурная идентичность человека — это форма создания вертикальной связи между социальным самоощущением человека и существованием человека в той или иной культурной традиции. То есть, грубо говоря, идентичность — это когда человек может здесь и теперь, в данной социальной ситуации решить, к какой традиции он принадлежит, и определить, что эта традиция является его духовной родиной, служение которой задает для него ценностно-целевой план жизни.

«Родина» и «отечество» — это понятия, содержание которых нужно искать не на политических картах мира, а в определении духовно-культурного измерения личного бытия. Когда А. С. Пушкин пишет: «Все те же мы, нам целый мир чужбина // Отечество нам Царское Село», — каким понятием отечества он пользуется? Сейчас мы бы могли обвинить поэта в экстравагантном сепаратизме. Однако важно понимать, что для него Царское Село и было тем культурно-духовным родом, к которому он сам себя причислял, и наследником которого сам себя считал. Это важнейшая характеристика социокультурной идентичности — принадлежность к тому или иному культурному роду. Именно в культурном роде человек и становится личностью.

Воспитательная модель российской школы будущего

В отличие от различных западных моделей образования советская школа (и российская вслед за ней) всегда считала воспитание одной из своих ведущих функций наряду с обучением. Тем не менее мыслительная работа, которая была проделана по отношению к деятельности обучения, по отношению к воспитанию проделана не была, т. е. не были развернуты представления о воспитании как деятельности. У нас есть должность «воспитатель», и подразумевается, что под функцией педагога как воспитателя скрыта какая-то специфическая деятельность. Нормативно задать, описать и зафиксировать, в чем заключается эта деятельность, очень сложно. Если мы начнем применять к воспитанию характеристики, определяющие его как деятельность, мы должны будем определить цель, культурный нормативно описанный способ, средства и, самое главное, критерии оценки эффективности этой деятельности. Чтобы оценить эффективность той или иной программы по патриотическому воспитанию, нужно как минимум осуществить замеры до и после ее выполнения. Обычно подобные замеры, конечно, не проводятся, в отчетах ограничиваются указанием численности охваченных программой детей.

Тогда возникает следующий очень серьезный, принципиальный вопрос: а есть ли у нас развернутые представления о том, что такое воспитательный процесс, и онтологии, которые позволяли бы говорить, что мы, собственно, делаем, когда осуществляем воспитательную функцию? И в этой ситуации мы можем отказаться от гипотезы о деятельностной природе воспитания и решить, что вообще все, что касается воспитания, является некой чисто номинативной «подвеской» к основной деятельности обучения. То есть вытеснить воспитание из сферы деятельности в сферу жизнедеятельности, которая осуществляется сама по себе.

На наш взгляд, к сожалению (или к счастью), миссия школы предполагает такие цели образовательной деятельности, которые не могут быть полностью достигнуты в рамках процесса обучения. В первую очередь это касается пресловутой проблемы патриотического воспитания. Считается само собой разумеющимся, что, кроме того что мы должны сформировать культурно оснащенную личность, на выходе из школы мы еще должны получить патриота. Обучить патриота вроде бы невозможно, а воспитать — вполне адекватная задача. Умные руководители образовательных учреждений давно уже наловчились отчитываться за патриотизм. Умные теоретики образования этот вопрос аккуратно обходят, не имея сил ответить, как формируется патриот, что такое патриот в современном российском обществе и как задать и определить этот термин. В то же время всем, кто работает в школе, понятно, что ребенок на выходе из школы имеет определенную форму укоренения в своей национальной культуре, в истории своего народа, и это важнейшая ценность, которая не формируется иначе, чем через особый тип работы. И этот необычный тип работы обычно описывается не на языке технологии, а на языке искусства, личного

умения того или иного педагога от Бога. Я знал учительницу, которая начинала говорить про Пушкина — и открывался целый мир, и замороженный ребенок через поэзию Пушкина входил в мир русской культуры, вращался в нем. Это не технологизировано, но это есть именно воспитание — процесс формирования таких жизненных структур сознания, которые заставляют его устанавливать родство с историей и культурой своего народа. И это принципиально другой процесс, чем освоение предметности наук или моделей социального поведения.

Можно, конечно, занять радикально либеральную позицию и сказать: «Не будем заниматься этим вообще, мы не занимаемся вопросами укоренения, идентификацией ребенка в культуре и в истории своего народа, мы живем в другое время, давайте ограничимся тем, что просто подготовим культурную, образованную личность без определения национальной идентичности». Но здесь мы придерживаемся жесткой позиции и считаем, что если школа как институт образования не возьмет на себя миссию формирования национально ориентированной идентичности у молодого поколения, то мы это поколение проиграем, так же как и Россию.

На поле идентичности и самоопределения подростка и молодежи идет сейчас настоящая информационная война — это борьба за то, к чему ребенок будет себя прикреплять, к какому стилю жизни, к какому мировоззрению, к каким культурным образцам. В этих условиях было бы ошибкой считать, что мы сможем удерживать ребенка в каналах трансляции культурных способов деятельности, а структуры сознания, отвечающие за осмысленное проектирование жизненной стратегии, укоренение в своей культуре и самоопределение в текущей ситуации, сами собой сформируются. Да, они, несомненно, будут формироваться, но совершенно другие — те, которые продуцируются с помощью СМИ.

Исследований того, какой тип самоопределения по отношению к государству и к истории своей страны наиболее массово распространен среди российских школьников, сегодня не проводится. А это стратегически важное знание, в том числе и для работы учителя. Начатая в рамках проекта «Строим школу будущего» разработка системы мониторинга формирования российской идентичности и мировоззрения в московских школах — это, собственно, экспериментальный зачин большой работы, которая нам предстоит. На данный момент мониторинг опробован на нескольких школах Москвы, и обнаружено, что через особую форму анкеты можно «снимать» содержание сознания ребенка в той его части, которая должна отвечать за мировоззренческое самоопределение. Матрица, на основе которой строилась анкета (см. приложение), позволяет увидеть, какие идентификационные структуры естественным образом (спонтанно) сформировались у ребенка. Полученные данные, в частности, позволяют сформировать новый предмет для педагогических исследований вместо разработки просто интересных воспитательных технологий.

Итоги проведенного в течение года мониторинга позволяют нам говорить о том, что Россия, которая имеет для учащихся старших классов ценность, — это, скорее, Россия прошлого (около 50% опрошенных лучшим периодом для России называют время существования Советского Союза). О том, каковы цели развития страны, о том, есть ли вообще у России будущее, к сожалению, учащиеся имеют самые смутные представления. Впрочем, так же как и их учителя. Казалось бы, в такой ситуации нас спасет только жесткий государственный заказ на идеологическое воспитание.

О недопустимости идеологизации школы и о возможной альтернативе

Технологий формирования социокультурной идентичности пока нет, и может быть, это к лучшему: идентичность формируется свободно, через самоопределение в проблемных и кризисных ситуациях. Однако есть философско-антропологические теории и идеи, определяющие способы культурной самоидентификации, и наша задача — обобщить их и перевести в режим образовательной деятельности, т. е. поставить вопрос о генезисе идентичитарных структур сознания, о том, как эти структуры формируются. Если мы не будем этим заниматься серьезно, то попадем в еще худшую ситуацию, чем в советское время, — в ситуацию так называемого государственного заказа на идеологию. Почему хуже? Во-первых, потому что в эту новую идеологию никто верить не будет, а будут использовать ее как избавление от мучительного процесса самоопределения. Во-вторых, идентичность идеологией уже не формируется, в лучшем случае государственная идеология является ориентиром для выработки личной идентичности (как, например, знаменитая уваровская формула «вера, самодержавие, народность»). Идеология как замена личного мировоззрения — это ложная форма самоидентификации, она, как показала перестройка, держится не на личности, а на социальных обстоятельствах.

Помочь ребенку обнаружить историю России и отечественную культуру как свою родину — вот основная задача так называемого патриотического воспитания, но делать это надо не через адаптацию к социально-политической конъюнктуре, а через проживание генезиса России и российской полиэтнической культуры.

Педагог умеет творить новый социальный мир. Ключевая способность учителя будущего, учителя, занимающегося развитием, — учить ребенка осуществлять социокультурную идентификацию, в чем, на наш взгляд, и заключается одна из самых главных миссий и задач российской школы.

Сейчас существует реальный запрос со стороны государства на сильное укорененное мировоззрение молодежи, на такое мировоззрение, с которым молодежь была бы способна осуществить амбициозные цели развития нашей страны и усиления ее на международной арене. Что же может сделать здесь школа, как — в области воспитания в первую очередь — она должна реагировать на этот запрос? Ответ на этот вопрос лежит в основе построения школы будущего.

Матрица диагностики

ФИО	Историческая память	Гражданское самоопределение	Проектное сознание
	Способность определять в истории своей страны образцы, в которых воплощается образ России: есть или нет. Если есть, то каковы наиболее существенные характеристики	Способность анализировать социополитическую ситуацию в мире и в России, определять свою позицию по отношению к ключевым проблемам современной России	Способность ставить цели развития России и определять идеальный и реализуемый образ будущей России
	Ценностные основания исторической памяти: что наиболее ценно в прошлом России	Ценностные основания гражданской позиции: какими ценностями руководствуется, формулируя свое отношение к современному миру	Ценностные основания личного видения будущего: какие ценности должны определить будущее мира

Приложение

1. Андриюшков А. А. Формирование социокультурной идентичности в средней общеобразовательной школе / Диагностика образовательной успешности / под ред. О. И. Глазуновой. М., 2007.
2. Андриюшков А. А. Конструкторы будущего / Северо-западный округ — стратегическая инициатива: интеграция науки, промышленности и образования / под ред. Н. В. Громыко. М., 2006.
3. Андриюшков А. А. Понятие социокультурной идентичности и управление процессом самоидентификации в школе // Инновационный технологический пакет перехода от школы знаний, умений и навыков к школе способностей. М., 2009.
4. Ачкасова В. А. Этническая идентичность в ситуациях общественного выбора // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. 12. № 1. С. 45–56.
5. Бауман З. Текучая современность. СПб., 2008.
6. Громыко Ю. В. Антропология политической идентичности. М., 2006.
7. Громыко Ю. В. От проектного к сценарному подходу: технологии капитализации индивидуального продвижения 20.08.2004 г. <http://mmk-mission.ru/prom/meta/20040820-gromyko.html>
8. Дери М. Скорость убегания: киберкультура на рубеже веков. М.; Екатеринбург, 2007.
9. Дети в современной социокультурной среде: социальная диагностика // Россия реформирующаяся. Ежегодник. Вып. 8 / под ред. М. К. Горшкова. М.: Институт социологии РАН, 2009. С. 407–421.
10. Искусство и цивилизационная идентичность / отв. ред. Н. А. Хренов. М.: Наука, 2007.

Литература

11. Йегер В. Пайдейя. Воспитание античного грека. М.: ГЛК, 1997–2001. Т. 1.
12. Кондаков А. Российская идентичность // Информ.-аналит. бюллетень «Просвещение». 2008. № 1 (16). С. 1–2.
13. Лебрехт Н. Кто убил классическую музыку? М., 2004.
14. Магун В. С. Идентификация граждан со своей страной: российские данные в контексте международных сравнений // Национально-гражданские идентичности и толерантность. Опыт России и Украины в период трансформации / под ред. Л. М. Дробижевой, Е. И. Головахи. Киев, 2007.
15. Понкин И. Концепция духовно-нравственного воспитания во многом ошибочна. Православное информагентство «Русская линия». 23.06.2009 г. <http://rusk.ru/st.php?idar=114319>
16. Скобельцина А. Нарцисс, или Мастерская взгляда. М., 2001.
17. Флоренский П. А. Собрание сочинений: в 4 т. М.: Мысль, 1994, 2000. Т. 3 (2).
18. Anthony D., Smith A. D. (1991) National identity. L.